

Любовница
каменных
Драконов

● Константин Фрес

Константин Фрес

Любовница

Каменных Драконов

<https://litres.ru/74203784>

Аннотация

Книга вышла на бумаге!

— Твой муж сам впустил меня в дом, взял много денег и разрешил мне выбрать ту женщину, которая мне понравится, — обходя ее кругом, словно оценивая, произнес Дракон. — Зачем вы мне все это говорите?! — в ее голосе были только страх и отчаяние. Бездушный монстр усмехнулся, щуря темные хищные глаза, плотоядно облизнул губы. — Потому что эта женщина — ты, — вкрадчиво ответил он, ухмыляясь. — Теперь я — твой хозяин, а ты — моя собственность. Моя... и моего брата.

— Чо ты, блядь, сказал?

Книга вышла на бумаге! #властный босс #страсть #любовь #ревность #предательство #от ненависти до любви #ХЭ

МОЖНО ПРИОБРЕСТИ ПЕЧАТНУЮ ВЕРСИЮ НА ОЗОНЕ И ВАЙЛДБЕРРИЗЕ!

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	15
Глава 3	23
Глава 4	38
Глава 5	46
Глава 6	56
Глава 7	69
Конец ознакомительного фрагмента.	73

Глава 1

Знаете ли вы, что чувствует человек, запертый в клетке с хищником?

С опасным, сильным, хитрым и голодным зверем?

С мужчиной, который смотрит будто раздевая взглядом?

Кажется, что напряжен даже воздух между готовым к прыжку кровожадным монстром и его жертвой. Кажется, он искрит и почти ранит кожу. Каждый взгляд жжет, от него хочется спрятаться, закрыть голову руками, прикрыть грудь, ноги, по которым этот плотоядный монстр время от времени скользит похотливым взглядом. Потому что у него в темных, как непроглядная ночь, глазах ад. Опасность, жестокость и неутолимая, лютая жажда. Жажда всего — власти, богатств и... секса.

От этой нескромной мысли, пришедшей в голову, Мэл удушливо покраснела и опустила лицо, делая вид, что все ее внимание сосредоточено на разрезании яблочного пирога.

Секс, секс, секс!

Все существо этого человека просто пропитано этим скандальным, порочным словом. Мэл чувствует, как у нее краснеют и наливаются кровью губы. Если их облизать, да просто коснуться языком, Мэл не сдержит стона...

Но все же этот человек опасен. Это опасность, исходящая от него, заставляет Мэл трепетать и мысленно отдавать-

ся ему, покоряясь его воле, чтобы избежать большего зла — смерти... Растерзает без сожаления, сомнет, уничтожит...

Хищник.

— Пирога? — щебечет Мэл, поправляя выбившийся из прически локон, но становится только хуже. Так ОН видит, что у нее пылают уши. И усмехается, щурясь, как довольный лев.

— Благодарю, я не голоден, — отвечает ОН тихим, слишком опасным голосом, и Мэл снова обмирает, чувствуя, как у нее дрожал ноги. Как у загнанной газели.

Она улыбается ему вежливо, но в душе ее все кипит. Не голоден! Да он всем своим высокомерным видом показывает, что он не ест такого дерьма! Яблоки с корицей? Хе! Он и кофе даже не пригубил, только вдохнул аромат и отставил чашку. А ведь кофе был отменный!

Вот лобстеры и черная икра под шампанское — другое дело. Но семья Мэл еще не доросла до того, чтобы завтракать лобстерами.

Он поднимает глаза, разглядывая белоснежный потолок с позолоченной лепниной, и Мэл замечает на его губах смешок. Дворцовый шик, наверное, неуместен в современном доме, но эта лепнина, драпировки и изящная мебель, обтянутая шелком — все это было предметом гордости Хьюберта, мужа Мэл. Его мечта и его цель. Наверное, наивная, если ОН посмеивается, разглядывая убранство... Но Мэл мужа любила и прощала ему его слабости.

Хьюберт всю жизнь стремился к богатству. К роскоши. К тому, чтобы пустить пыль в глаза, чтоб у гостей головы закружились!.. Он много работал, и добился этого. Он заработал позолоту и ковры. И деньги ему эти платил человек, сидящий сейчас напротив Мэл с плотоядной ухмылочкой — его босс, Алан Стоун.

Мэлани никогда не могла понять, почему Стоун, этот холеный красавчик, опасный, как остро отточенное лезвие, наверняка эгоистичный, расчётливый и циничный, так благоволит к ее добряку и простаку Хьюберту. За что он его ценит так высоко. Потому что не дружат лев и откормленный, розовый кабанчик! Не дружат! Они слишком разные. Слишком.

А в последнее время деньги текли рекой в карман ее мужа, и он сорил ими налево и направо, словно обезумевший. Машину подороже, поновее? Пожалуйста! меховую шубку? Ради бога! Яхту? Да почему бы и нет?! Хьюберт был рад, что может удовлетворить любое желание Мэл. Любую ее просьбу. Он раздувался от гордости и даже не спрашивал цену, просто говорил «да».

Тайком поглядывая теперь на его босса, Мэл невольно думала — а зачем, собственно, он явился? Визит вежливости? Захотел посмотреть, как живет подчиненный? Нет, нет, это все не то... иначе бы Хьюберт не выглядел таким потерянным. Обычно за столом он много шутил и балагурил, а сегодня его словно подменили, и он тоже почти ничего не ел —

как и Стоун.

— Хью, — вкрадчиво произнес Стоун, изящно поправив дорожную запонку в рукаве безупречной сорочки, — могу я... поговорить о деле?..

Стоун не уточнил с кем, и у Мэл сердце замерло и оборвалось, она едва не задохнулась от волнения. Хьюберт пригласил свою сестру, и Мэл поначалу думала, что у Стоуна есть какие—то виды на Эржбету. Но он не обратил на девушку ни малейшего внимания. Значит, явился не из—за нее.

— Да, конечно! — оживляется непривычно тихий Хьюберт. Он подсказывает и буквально вытаскивает силком свою сестрицу из—за стола, с высокого стульчика подхватывает дочь — их с Мэл общую двухлетнюю дочь, Алисию, — и, бросив какой—то виноватый, затравленный взгляд на жену, спешно скрывается за дверями столовой так прытко, что Мэл не успевает и слова произнести.

И она остается наедине с человеком, которого боится до судорог. Разговор предстоял с именно с ней.

У него темные, непроглядные глаза и темные, коротко остриженные волосы. Высокие скулы, жестко очерченные плотно сжатые губы, упрямый, порочный жесткий взгляд — в нем чувствуется стремление сломать, подчинить, поставить на колени. От этого взгляда Мэл чувствует, что падает, падает в пропасть, так же как это порой бывает во сне, и едва сдерживает крик ужаса.

Отчего-то шрам на щеке — хорошо заметный, придаю-

щий красивому лицу мужчины еще более хищное, жестокое выражение. И он не собирается притворяться хорошим, добрым и покладистым парнем. Кажется, он ощущает ее страх и трепет, и ему нравится чувствовать это.

— Мэлани, — произносит он, отчего-то улыбаясь, показывая красивые ровные зубы. Будто пробуя на вкус ее имя. — Мэл... Я хотел бы поговорить именно с вами.

— О чем? — Мэл безотчетно отшатнулась от него, но Стоун одним шагом сократил дистанцию между ними, и женщина внезапно ощутила себя припертой к стенке, распластанной по прохладной штукатурке. А этот зверь, этот опасный зверь под личиной цивилизованного человека, упакованный в дорогой костюм, склоняется над нею, вжав ее в стену, беззастенчиво принюхиваясь к аромату ее кожи, почти касаясь тонким носом ее дрожащей шеи, часто вздымающейся груди. Почти ласка; почти жадное, неприкрытое желание.

— Как вы смеете, — шепчет Мэл, вся дрожа, замороженная его жгучим черным взглядом, пытаясь оттолкнуть мужчину слабыми руками. — Хьюберт!..

Ее крик выходит слишком жалким и слабым. Она все еще пытается сопротивляться; сопротивляться своему страху, своему животному инстинкту покориться, отдаться, но Стоун зажимает ее рот ладонью, и Мэл видит его глаза и тонкие, подрагивающие от нетерпения ноздри совсем близко.

— Не надо кричать, — его голос на удивление спокоен и холоден. — Хьюберт не придет. Нам с вами надо поговорить

— и это касается вашего... благосостояния. Итак, я убираю ладонь. Вы не будете кричать?

Глаза Мэл наливаются слезами, она тонко поскуливает, согласно кивая головой. Уже совершенно ясно, что ничем хорошим визит Стоуна и не пахнет. Ему ее не жаль, он не отступится от своих планов, она для него — жертва, в которую он почти вонзил свои зубы. И ей придется выслушать его и подчиниться — что бы он ни просил сделать.

— Итак, — жесткая ладонь разжалась, Стоун убрал ее с лица Мэл и отстранился, глядя на нее свысока, как победитель. — У вас прекрасный дом, Мэлани. Просто полная чаша.

— Да, — пробормотала она, захлебываясь слезами ужаса.

— Дорогая мебель, — продолжил Стоун. — Драгоценности...

Его рука бесцеремонно легла на грудь Мэлани, перебирая блестящие камешки ее колье.

— Вы же понимаете, что за все это надо платить? - его пальцы скользят ниже, ладонь обнимает приятную округлость груди, и Мэл вспыхивает от стыда и гнева, потому что мужчина себя ведет с нею как со своей собственностью.

— Но Хьюберт сказал, что он заработал все это... — мямлит Мэл, уже прекрасно понимая, что это не так. Вся их дорогая, пестрая, шикарная жизнь — все это было обманом, все катилось в тартарары, все было в долг, не принадлежало им. Все было получено из рук этого расчётливого, хитрого

чудовища. Вот зачем ему был нужен Хьюберт, жизнерадостный, стремящийся к достатку кабанчик. Приманить; обмануть; напасть и уничтожить! Совершенно точная роль...

— Нет, — с видимым удовольствием выдохнул Стоун, наслаждаясь замешательством и страхом женщины. — Не заработал. Я ему дал все это. Его услуги не могут стоить так дорого.

— Зачем?! — выкрикнула Мэл, ощущая жесткую ладонь Стоуна у себя на бедре. — За что!? За какие заслуги!? Или вы... обманом? Завлекли его в ловушку?! Воспользовались его безграничным доверием?! Он отзывался о вас очень восторженно, для него вы — непогрешимый идеал!

Но Стоуна не останавливали ее слова, ее попытка воззвать к его совести. Напротив — ее горячая речь насмешила его, и он тихо рассмеялся, продолжая ласкать ее грудь совершенно по—хозяйски, так, словно имел на это право и делал так сотни раз. Как хозяин. Как человек, наслаждающийся властью над своей *вещью*. Его ладони по-прежнему исследовали ее тело, неторопливо, будто прислушиваясь к бьющейся горячей крови под тонкой кожей испуганной женщины.

В голове Мэл крутились самые разные страшные предположения; этот подлый змей мог подставить Хьюберта. Мог обвинить в растрате. Мог подсунуть фальшивые документы. Мог...

Но ответ Стоуна затмил ее самые смелые предположения.

— У нас с ним был договор, — ответил Стоун. — Я давал ему столько денег, сколько он хотел. Оплачивал все его счета. Всё. Всё, что он просил — я давал ему. А он взамен пообещал мне, что однажды я смогу прийти в его дом и забрать любую женщину, что мне приглянется. И этот день настал. Надо отдать должное Хьюберту, — Стоун явно издевался, — он очень честен. Не попытался скрыть такое сокровище, как вы... И предоставил достаточно широкий выбор...

Мэл в ужасе вскрикнула, зажав рот рукой. Высокий стульчик у стола пустовал, но воображение рисовало Мэл, как этот негодяй своими холеными жесткими руками поднимает с него Алисию и уходит... Вот зачем Хьюберт пригласил свою сестру, о которой долгое время и не вспоминал; вот зачем на этот странный завтрак он и дочь притащил! Выбрать!..

— Зачем, — с трудом вымолвила Мэл, — зачем вы мне это говорите?..

— Затем, — произнес Стоун, склонившись к ее уху и произнося каждое слово четко, чтобы оно отпечаталось в ее мозгу, — что я выбрал. И это — вы. С этого дня я — ваш хозяин.

— Что!? — выкрикнула Мэл. — Что!? Хозяин?! Вы что, с ума сошли?! Рабство отменили в...

Стоун усмехнулся, и Мэл подавилась своими пылкими словами.

— Так мне не рабыня нужна. Женщины вашего рода так завлекательно пахнут, — Стоун усмехнулся так, что у Мэл

кровь застыла в жилах. Женщины ее рода... Значит, этот хищник принюхивался и к Алисии!

— По ряду... м—м—м... признаков я понял, что вы мне подходите. Я свой выбор сделал, — сказал он, — теперь выбор за вами. Нет, я, конечно, могу еще подождать лет двадцать. Спешить мне некуда. И когда подрастет ваша дочь, я приду за ней. И уже не вы, а она будет рассчитываться за ваши шубки и бриллианты. Согласитесь, это совсем несправедливо по отношению к маленькой, беззащитной девочке?..

— Негодяй! — выдохнула Мэл. Стоун равнодушно пожал плечами. Видимо, ему это говорили слишком часто. Или в душе он был согласен с этим определением. Или ему было просто плевать.

— Или вы соглашаетесь оплатить сладкую жизнь, которой жили до сих пор, или я сделаю так, что все это у вас отнимут.

— Отнимайте!

— Вы уверены? — он снова склонился над ней так низко, что она услышала в его дыхании рокот, словно склонялся над ней громадный лев. — Я оставлю вас ни с чем. Нищими. Голыми. Я оставлю вам ни кусочка ткани. Ни камешка от вашего дома. Я сделаю так, что вас ни на одну приличную работу не возьмут. Вы будете влачить такое жалкое существование, работать за гроши, так, что через двадцать лет — когда подрастет ваша дочь, — вам уже не будет казаться таким уж ужасом то, что такой негодяй, как я, захочет ее взять себе. Вы будете этому даже рады.

— Мерзавец... негодяй... какой же вы мерзкий подлец...

— выдохнула Мэл с ненавистью, закипающей в ее крови.

— Соглашайтесь.

— Но мы же взрослые, цивилизованные люди! — выкрикнула Мэл. — Ни одна женщина... близость с ней... не стоит этого всего! Стольких денег!

Стоун обвел взглядом обстановку, еще раз глянул на позолоченную лепнину и покачал головой задумчиво, сделав вид, что раздумывает и колеблется.

— Стоит, — наконец, произнес он, вдоволь наигравшись и натешившись слабой надеждой, отразившейся в глазах Мэл. — Для некоторых целей — стоит. Вы мне подходите, Мэл. В вашей крови много огня. Вы определенно мне подходите, и я готов приплатить еще. Уже лично вам. Все, что пожелаете. Я могу дать вам абсолютно все.

— Подхожу?! Что это значит?! Что это значит?! — затравленно выкрикнула Мэлани, пропуская мимо ушей его заманчивые обещания.

— Вы меня *чувствуете*, — ответил Стоун глубоким тяжелым голосом, от которого у нее разболелось в висках, словно голова вот—вот лопнет. — Вы боитесь меня. Вы покоряетесь мне, хотя какая—то часть вашего разума и велит вам сопротивляться. Я чувствую запах вашего страха — а ведь я и слова вам дурного не сказал. Бояться меня — это правильное решение. Очень разумное. И покориться — тоже.

Мэл почувствовала, как колени ее ослабевают, и она вот — вот рухнет на пол. Если б не руки Стоуна, удерживающие ее, Мэл давно бы уже упала к его ногам.

— Вы... вы хотите меня убить?! — прошептала она. — Органы? Вам нужны мои органы?!

— Нет, — Стоун брезгливо поморщился. — Мне не нужна ваша жизнь, ваша кровь, да я вообще не планирую причинять вам... страдания. Никакой боли. Никакого оружия. Вы нужны мне... для ритуала.

— Ритуала?! Что за ритуал?! Что за средневековое варварство?!

— Узнаете, — с вызовом ответил Стоун, внезапно отпрянув, словно согласие уже было получено. — Это для вас варварство, а для меня это имеет очень большое значение. Собирайтесь. Можете взять с собой самое необходимое и проститься с семьей.

— Проститься? — повторила Мэл. — Алисия... я не увижу ее больше?!

— Не надо драм! — брезгливо поморщился Стоун. — Все воспитанные люди говоря «до свидания», уезжая надолго. Если ритуал пройдет быстро... если... то вы, вполне вероятно, окажетесь дома, со своей дочерью, уже через месяц. Ну, собирайтесь.

Глава 2

— Как же ты мог, Хью! Что ты натворил, негодяй, мерзавец! Ты продал меня, как собаку! Как подержанную машину! Ты!.. Ты!..

Ей был дан час на сборы, но Мэл не знала, что нужно брать с собой. Белье? Украшения? Косметичку — надо будет приводить себя в порядок? Что?

Она вытащила чемодан, дорогой, удобный, вместительный, — но на этом ее сборы и закончились. Она вспомнила свое желание обладать этой вещью, которая в витрине была выставлена в наиболее выгодном месте. Свою радость, когда Хьюберт купил эту вещь, свой почти детский восторг от запаха новой вещи, от блеска замочков, хромированной ручки... Поглаживая теперь эту дорогую вещь, Мэл разрыдалась и упала без сил на постель, уткнувшись лицом в шелковое покрывало.

Кто же знал, что настоящая плата за эту радость будет совсем другая?!

Стоун, его бесцеремонное, развратное внимание и пугающий ритуал... что за ритуал, за который он готов заплатить так много?! Он говорит, что это безвредно, но можно ли верить его словам? В его взгляде порок и жестокость, этот человек может убить, не моргнув и взглядом. Кажется, т него даже пахнет кровью. Перебивая горький свежий аромат его

дорогого парфюма пахнет теплой свежей кровью и пожарищем. Как от викинга, разорившего чужое поселение... Еще этот шрам на щеке... Когда Стоун улыбается, этот шрам делается еще заметнее и злоеющее. Лицо его лишается всяческого налета цивилизованной интеллигентности, и остается лишь лютая, страшная жажда...

— Ты тоже пользовалась всем, что давал Стоун, — пропыхтел Хьюберт, укачивая на руках плачущую Алисию. Девочка была напугана; размолвок между родителями прежде не случилось, или случилось, но не таких серьезных, без криков, шумных хлопаний дверями, без слез и обвинений.

— Но я не знала! Я не давала своего согласия участвовать во всем этом! — яростно выкрикнула Мэл, подскочив на ноги. — Если бы он все это предложил мне, я бы отказалась, отказалась!

— А я — нет! — огрызнулся Хьюберт, отгораживаясь дочерью от разъяренной жены. — Я слишком долго стремился к этому, чтобы отказаться, когда оно само плыло мне в руки!

— Что?!.. — выдохнула Мэл, потрясенная. — Что?! Плыло?! То есть, ты заранее согласен был с тем, что он заберет меня? Или Алисию?! Тебе все равно, лишь бы он давал тебе денег?.. Такова наша ценность для тебя?! Ну, хорошо, я — всего лишь глупая дура, которая тебя полюбила, поверила и думала, что ты славный парень, заботливый, целеустремленный и добрый, — по щекам Мэл снова потекли слезы, — но Алисия?.. Ты и ее готов был отдать?!

— Не говори глупостей, — буркнул Хью, отворачиваясь от Мэл.

— Но он готов был ее взять! Вырастить, как он выразился, как свинью на убой, и взять! Нашу дочь! Он отнял бы ее у нас, поместил в какой—нибудь пансионат, где ее воспитывали бы с мыслью, что она — его, и всегда ему принадлежала! Престарелый негодяй, он забрал бы невинную, молодую девушку для каких—то своих целей только потому, что сейчас ты можешь позволить себе купить дорогую машину и часы! Ты и это позволил бы!?

— Ну, не забрал же, — огрызнулся Хью. Но в его глазах мелькнуло такое ненасытное выражение, что Мэл в ужасе поняла — он отдаст и Алисию, если Стоун ему это предложит.

— Какой же ты подлец! — прошептала Мэл в ужасе. — То есть, если что—то... что—то со мной случится, если я погибну — ты ее отдашь взамен?!

— Вот и постарайся, — сварливо отозвался Хьюберт, — чтоб с тобой ничего не случилось! Будь паинькой и исполняй все, что велит этот красавчик. Ты же всегда мечтала, чтоб у тебя был красивый муж, не то, что я! — он внезапно вышел из себя. — Все эти журнальчики с томными красавцами на глянцевых страницах! Я до них не дотягиваю, уж извини! А Стоун словно с разворота сошел! Так что чем ты недовольна, я не пойму! Ублажишь его, как ему надо, и все будут довольны!

— Я не смогу жить здесь, с тобой, после всего этого, —

горько выдохнула Мэл, и Хьюберт покраснел от злости.

— Как будто я смогу жить с тобой после того, как!.. — выкрикнул он желчно. — ...как ты Ты что думаешь, ты кому—то нужна будешь после того, как он с тобой развлечется?! Мне уж точно нет! Так что ты здесь можешь и не жить, а мне здесь очень даже хорошо будет и без тебя!

— Ты не имеешь права воспитывать Алисию, — прорычала Мэл, и Хью гнусно усмехнулся.

— Гулящая мать — уж тем более, — мстительно ответил он. — Я всем расскажу, что ты сбежала... со своим любовником. Ни один суд тебе ее не отдаст! Да и я могу запросто продать дом и уехать куда—нибудь!

Все эти гадости Хьюберт говорил с мстительной радостью на лице, словно хотел за что—то отомстить Мэл, сделать ей больно, унижить ее... вероятно, потому что сам себя чувствовал последним говном и желал уничтожить ту, которую продал и предал.

— Нет—нет—нет! — холодея, пробормотала Мэл. — Ты не сможешь этого сделать! Ты не посмеешь этого сделать! Я... я никуда не поеду, если так! Я заберу у тебя ребенка и подам на развод! И разбирайся со Стоуном сам, как знаешь! Можешь сам его ублажать!

— Я?! — расхохотался Хью. — А ты не собираешься с ним расчитаться? За те шмотки, которые носишь? За еду, которую ешь?! Если ты уйдешь отсюда, то уйдешь голой! Без гроша в кармане! И любой суд отдаст дочь мне, потому что

ты не в состоянии ее содержать!

— Отдаст тебе, чтобы ты торговал ею налево и направо?!
— закричала Мэл. — Никогда!

Словно зловещий призрак, в дверях появился Стоун. Перепалка между супругами не ускользнула от его внимания, он холодно оглядел с ног до головы обоих, и Мэл снова ощутила жуткое ощущение падения в пропасть под действием этого жуткого немигающего взгляда.

— Мне казалось, — произнес он зловеще, — что мы договорились на спокойном и цивилизованном решении проблемы. Мне не интересны ваши дразги... и совершенно не нужно, чтобы *моя* женщина, — его голос пророкотал глубоко, грозно, — нервничала и о чем-то беспокоилась. Ты будешь смирно сидеть здесь, — рыкнул он на Хьюберта, — как кролик в норе. Попробуешь сбежать с дочерью — я отыщу тебя максимум уже через пару дней и ноги переломаяю. Если сделка не состоится, вы оба знаете, что я сделаю. Вам, — он обернулся к онемевшей Мэл, — достаточно моего честного слова? О том, что он никуда не денется до вашего возвращения?

— Нет! — выкрикнула Мэл. — Нет! Если уж и рассчитывать за что-то... то за то, что будет у меня в руках! Вы гарантируете мне жизнь?!

Стоун безразлично пожал плечами.

— Конечно, — подтвердил он. — Жизнь, здоровье неприкосновенны. Я же уже говорил.

— Тогда я требую, — выкрикнула Мэл, — в обмен на мои специфические услуги, после всего, когда все кончится, отдать мне дочь, и не подвергать меня вашим гнусным преследованиям!

Стоун снова пожал плечами.

— Ничего не имею против, — ответил он. — Я прослежу за этим. Поверьте мне — моей власти и силы достаточно, чтобы проследить за этим человеком и принудить его к выполнению договоренности. Более того, если вы пожелаете, позже мы выставим его из этого дома. Если вам удастся... справиться с поставленной задачей, то все это по праву должно принадлежать вам. Вам не о чем беспокоиться... Мэл.

— Нет, постойте! — истерично взвизгнул Хью, шагнув к спорящим. — Как же так?! Вы обещали, что все мое! Я не позволю все у меня отнять! Я не буду тут сидеть, как собака на цепи, охраняя ее деньги! Я свободный человек!

Его голос сорвался на истошный визг, лицо покраснелось. Стоун перевел на него взгляд темных глаз, и Хьюберта буквально впечатало в стену тяжестью и яростью этого взгляда.

— Будешь, — рыкнул Стоун. — Меня ты тоже уверил, что с женщиной не возникнет заминок. Что она будет согласна. Но мне самому приходится уговаривать ее. Значит, наша с тобой сделка отменяется.

Мэл почувствовала, как разум ее воспламеняется. Страх

отступил, и она, шагнув к Стоуну, рыкнула так же злобно, властно и яростно, как он:

— Тогда я готова обменять свои услуги на ваши! Этот человек не заслужил ни гроша из тех денег, что вы ему дали, потому что если вы желаете что-то получить от меня, надо было со мной заключать договоры на мое тело! А он мне не хозяин!

— Согласен, — брови Стоуна удивленно взлетели вверх, он с интересом слушал то, что ему противопоставит Мэл. Хрупкая Мэл. Светлая Мэл. Мэл, у которой персиковая нежная кожа и пшеничного цвета волосы. Мэл, которая мухи не обидит и которая слабенькая, как котенок. — Но что-то мне подсказывает, что вы не согласились бы.

Хьюберт трусливо смолчал. Он мог бы протестовать, потому что Стоун одним взмахом руки мог отменить сделку прямо сейчас - и отнять то, чем Хью владел, выкинуть его на улицу. Пока же сохранялась призрачная надежда, что Стоун передумает или предоставит супругам самим разбираться после того, как получит желаемое.

— А возможно Алисию с собой забрать?! - спросила вдруг Мэл.

В глазах Мэл мольба, но Стоун отрицательно качнул головой, поморщился.

— Вам некогда будет заниматься ребенком. Ребенок займет часть вашего времени, а оно должно быть безраздельно посвящено... вашим обязанностям.

— Я должна чувствовать, знать, что она рядом! Что с ней ничего не случилось! Что она не похищена, не упрятана от меня! — в голосе женщины послышались сдавленные рыдания, и Стоун заметно озлился. На миг Мэл показалось, что комната наполнилась неприятными звуками, словно гремущая змея трясет своим хвостом и шелестит чешуей.

— Вы будете это знать, — ответил Стоун отрывисто. — Даю слово. Я действительно прослежу за этим, вам не о чем беспокоиться. Итак, вы готовы?

— Да, — громко, с вызовом, выкрикнула Мэл. — В этом доме моего ничего нет, только ваше! Мне нечего забирать! Даже белье оплачено вами. Пусть Хью оставит его себе на память.

Она порывисто шагнула к Хьюберту, поцеловала плачущую дочь, и так же решительно развернулась и вышла в раскрытые двери. Стоун проводил ее усмешкой и задумчивым взглядом и последовал за ней на почтительном расстоянии, сунув руки в карманы брюк.

Глава 3

Охрана Стоуна — жуткие огромные мордовороты с непроницаемыми лицами. Глаза их спрятаны под солнцезащитными очками, и Мэл кажется, что под черными стеклами сверкают огненно—красные сполохи. Словно каменные обломки остывшей лавы, нутро которых раскалено, и этот жар проскальзывает в глазницах.

Стоун не разговаривает с ними, не произносит вообще ни слова. Лишь щелкает пальцами и указывает на место, где надо стоять. Быстро, четко, словно опутывая дом Хьюберта сетью. Заключает дом в магический круг, расставляя своих каменных истуканов, перекрывая все входы выходы. Хьюберт попробовал сунуться на крыльцо, но его бесцеремонно впихнули внутрь дома и захлопнули дверь у него перед носом, не позволив проводить Мэл даже взглядом. Он стал пленником в собственном доме, и, сдается мне, был этому не рад.

— Я не позволю!.. — орал он, сопротивляясь каменно-мордым охранникам. — Я это так не оставлю! Я буду жаловаться, вы мне за все ответите!

Но его голос обрывается хлопком двери. Это как кляп в рот, как пощечина, как презрительный плевок в его сторону.

— Следить за ним. Шаг в шаг. Из города не выпускать, — бросает Стоун на ходу одному из охранников. Просто каменный великан в черном костюме, в котором его огромному

сильному телу просто неудобно и тесно. На его фоне Стоун в его безупречном темно—сером костюме кажется хрупким и невысоким, хотя это совсем не так.

Один из охранников грубо, почти насильно заталкивает Мэл в автомобиль Стоуна, тот неспешно усаживается с нею рядом, и испуганная Мэл, ощутив его рядом с собой, наконец, в полной мере смогла оценить этого мужчину. Опасность и силу, исходящие от него.

Он высок и строен, узкобедный и широкоплечий, длинноногий. Породистый красивый самец, уверенный в себе. Скорость — привычный стиль его жизни. От него веет силой и здоровьем, каждое его движение исполнено достоинства и властности. Его руки жесткие, сильные. Казалось, в холерной ладони он может раздавить, раскрошить кусок гранита, смять его длинными пальцами, как кусок сладкой ваты. Он смотрит на Мэл снисходительно, изящно опираясь свою стильную, дорогую одежду. В этой смеси хищности и хороших манер опасности больше всего. Мэл интуитивно чувствует его нетерпение, Стоун словно прямо сейчас хочет попробовать ее. Он едва не облизывается, но в его желании нет нетерпеливой дрожи любви. Он знает, что женщина принадлежит ему. Спешить некуда.

— Называй меня Алан, — небрежно велит он. — И никак иначе. Алан — и все.

Она забивается в уголок сидения, дрожа от страха, нервы ее напряжены до предела. Это Стоуну не нравится. Он

насмешливо приподнимает бровь, и одним движением при-
двигает женщину к себе, обхватив ее за талию.

— Никаких капризов, — презрительно цедит он сквозь сжатые зубы, рассматривая лицо Мэл, побледневшее от волнения. — Я скажу это только один раз, и повторять не стану. У меня нет ни малейшего желания ни уговаривать вас, ни возиться с тобой, если вдруг тебе вздумается заартачиться. Я не стану тебя упрашивать. Я просто выкину тебя, и сделаю все то, что обещал. И найду тебе замену. Поэтому в твоих интересах быть покорной. Всегда помни о том, что ты потеряешь в случае неповиновения. Мне нужна абсолютная покорность. Это понятно?

— Понятно, — выдохнула Мэл, вся дрожа, как натянутая струна. Она сглатывает ком в горле, ей становится трудно дышать, когда Стоун по—хозяйски проводит горячей ладонью по ее бедру и задирает ее юбку, внимательно изучая ее лицо.

— Итак, к делу, — скучным, будничным голосом произносит Стоун, словно это не его руки одним движением безжалостно рвут слишком узкую юбку Мэл, обнажая ее бедра. — Я уже говорил, что ты нужна мне для ритуала. Не стану скрывать — этот ритуал подразумевает использование твоего тела. Сексуального использования. Может быть один раз. Может быть пять раз. Десять. Двадцать. Я не знаю, как быстро ты справишься с поставленной задачей. Насколько ты горяча, Мэлани... Я не знаю.

Его ладонь ныряет меж ее стыдливо сжатых бедер, толкается, заставляя Мэл раздвинуть ноги и пустить ее туда, к тайному теплому и влажному местечку, скрытому шелковыми трусиками. Его жгучие черные глаза неотрывно следят за Мэл, за ее реакцией, и удовлетворенно щурятся, когда Мэл, дрожащая и едва не рыдающая, покорно раздвигает ноги, помня о его угрозах.

— Хорошо, — удовлетворенно произнес Стоун, поглаживая ее между ног. — Ты очень понятлива, с тобой приятно иметь дело. Итак, ритуал...

Мэл, умирая от стыда, думала, что это проверка. Думала, что Стоун всего лишь хочет удостовериться в ее покорности, и тотчас уберет руку, как только она позволит ему тронуть ее там, между ног. Ведь он не похож был на влюбленного; и страсть, его темная и тяжелая страсть, была направлена не на нее. Он не любил ее, не выглядел тем, кто потерял голову от ее красоты.

Но это совсем не так; он не останавливается. Он продолжает ее ласкать, неторопливо, развратно, бесцеремонно. Его пальцы скользят ниже, нетерпеливо стискивают белье, дергают, добираясь до голого тела, и жестко погружаются в узкое, сжавшееся лоно Мэл.

Мэл вскрикивает и напрягается, интуитивно сжимает бедра — но тотчас снова раздвигает их под внимательным взглядом Стоуна, стоило ему только приподнять бровь. Абсолютная покорность, будто говорит его взгляд.

— Правильно, — рокошет он своим голосом сытого хищника. — Покорность... все верно... Помни об этом всегда, Мэл... ты принадлежишь мне, целиком — с твоими мыслями, с твоим желанием, с твоими мечтами... Мои желания — это теперь твои желания... все, что я прикажу...

Его жесткие каменные пальцы погружаются глубже — настойчиво, властно, — двигаются, жестко лаская, заставляя женщину трепетать, и Мэл, вся дрожа, непроизвольно выгибается, ахает, стонет — и отнюдь не от приятных ощущений. Ее тело сжимается от боли, не готовое впустить его пальцы, и Стоун берет Мэл почти насильно — несмотря на покорно разведенные колени.

— Здесь, — жестко говорит Стоун, лаская ее лоно, — ты тоже должна быть покорна. Именно здесь. Я хочу, чтоб здесь ты была влажной. Податливой. Раскрытой. Вечно жаждущей. Ждущей меня.

— Но это не просто так, — стонет Мэл, с трудом терпя жесткую ласку, терзая ногтями обивку сидения. — Это... не зависит от вашего приказа!

— Так я помогу, — вкрадчиво отвечает Стоун. Почти шепчет. — Я умею быть нежным, если это нужно.

Его пальцы снова толкаются в ее тело, глубоко и настойчиво, двигаются туда и обратно, и Мэл закрывает глаза, чувствуя, как ее щеки раскаляются от стыда, как ее трясет от влажных звуков. А в ее теле словно ворочается чудовище, терзая и мучая ее, низводя до состояния беспомощного жи-

вотного, попавшего в ловушку, из которой никак не освободиться.

— Зач... зачем, — выдыхает Мэл, сгорая от стыда и жара его сильного тела, прижавшегося к ней.

— Затем, — интимно произносит Стоун, не прекращая своей бессовестной пытки, — что я хочу разжечь в тебе огонь... пожар, который сможет согреть и обжечь... Ну же. Ты обещала быть покорной.

— Значит, — пыхтит Мэл, напрягаясь всем телом, изо всех сил сопротивляясь накатывающим на нее ощущениям, — все же просто банальный секс... вы безумец или лжец, вы...

Стоун не отвечает; его пальцы толкаются сильно, отрывисто, Мэл вздрагивает от каждого нового толчка и закусывает губы. Ей кажется, что ее берет мужчина с огромным членом, терзает ее тело, овладевает ею, как какой-то дешевой падшей женщиной. Его жесткие пальцы вдруг вынырнули из ее истерзанного лона, и теперь касались ее почти нежно. Большой палец нащупывает ее клитор и начинает гладить — слишком неторопливо, слишком умело и настойчиво, так, что расставленные ноги Мэл начинают дрожать, трястись, как в ознобе, и она, подавшись вперед всем телом, выдыхает, выкрикивает свое внезапно разлившееся по телу удовольствие, выдает себя. Она бесстыже виляет бедрами, то ли стараясь избежать обжигающего удовольствия, то ли чтобы принять в себя пальцы мужчины полнее, и Стоуну это

нравится.

— Да, так, — шепчет Стоун, продолжая поглаживать извивающуюся мокрую Мэл. — Шире ноги.

Его руки слишком умелые, слишком ласковые; жесткие пальцы вдруг становятся невероятно нежными, чуткими. Подушечками этих пальцев Стоун словно отыскивает самые чувствительные точки на теле Мэл и впускает через них в ее нервы, в ее кровь пожар. Мэл вопит, трясаясь на его руке, напуганная на его пальцы, не понимая и не осознавая ничего вокруг себя. На периферии сознания маячит стыдная мысль, что водитель за рулем все слышит, но Мэл рассматривает опущенное стекло, отделяющее их сидение от водительского, и это стирает последнюю стыдливость. Весь ее мир превращается в бесконечную огненную реку наслаждения, она сводит Мэл с ума, и она выкрикивает свое удовольствие, разводя колени еще шире, извиваясь, сходя с ума, широко раскрытыми невидящими глазами уставившись в обивку автомобиля над своей головой.

Стоун прав; с каждым его прикосновением к ее телу, с каждым толчком внутрь ее лона в ее крови разгорается пожар. Он бросает Мэл на сидение, на спину, заставляет ее подхватить собственные ноги под коленями и подтянуть их к груди, бесстыдно раскрывшись перед ним. От его ласк Мэл мечется, рассыпав золотые волосы по темной обивке и стонет — протяжно, беспомощно, жалобно, — потому что его пальцы гладят ее чувствительные бедра, ее мокрое лоно, и

Стоун внезапно припадает губами к ее мокрому от желания губкам, горячим языком жадно лижет ее, дразнит клитор.

Это движение столь страстное, жаркое, а поцелуй такой жадный и болезненный, что Мэл взвизгивает, извиваясь, чувствуя, как его язык проникает в нее, и ей становится еще жарче. Это не потная возня с Хьюбертом под одеялом; не супружеский постный и сдержанный секс. С Хью ей и вполтину не было так обжигающе—хорошо и так невыносимо стыдно. Стоун беззастенчиво рассматривал ее тело, касался всюду, где хотел, жадно целовал бедра, прихватывал зубами нежную кожу, погружал пальцы — быстро, жестко, настойчиво, — в обе дырочки Мэл, заставляя ее вскрикивать и трястись как в лихорадке, чувствуя, как он овладевает ее телом. Всем ее существом.

«Это все не со мной происходит, — в панике подумала Мэл, уловив, как вжикнула молния на одежде Стоуна. — Я отдаюсь, как шлюха, на сиденье машины первому попавшемуся, и мне... это... нравится...»

Мэл была красивой женщиной; но у нее никогда не было такого красивого мужчины, как Стоун. Такого красивого, состоятельного и подавляюще властного. Более того — она и помыслить не могла, что кто—то так же, как он, рыча от внезапно охватившей его страсти, соблазненный ее красотой, податливостью ее тела, содрал с себя маску холодно-

го и высокомерного властелина мира, навалится на нее всем телом, жарко и жадно целуя в губы, овладеет ею — нетерпеливо, жадно, одним жестким сильным толчком вогнав член на всю длину в ее лоно.

— Черт! — взвизгнула Мэл, одновременно вспыхивая от легкой боли и млея от жадности, с которой Стоун толкнулся в ее тело, с которой он взял ее, овладел, подчиняя себе.

Его руки жадно, до боли, стиснули ее ягодицы, приподнимая женщину и прижимая ее к себе крепче, и он толкнулся еще — сильно, жестко, максимально глубоко, — горячими губами стирая вопли Мэл, изнемогающей под его телом. Его движения были сильные, жесткие, отрывистые, и Мэл захлебывалась собственными стонами, криками, сходя с ума от безумия, что творилось сейчас с ней. Жесткие пальцы Стоуна ухватили ее за волосы, грубо оттянули назад ее голову, и он снова припал горячим ртом к ее покрасневшимся губам, лаская языком ее разгоряченный, возбужденный рот, так развратно и беззастенчиво, что у Мэл, казалось, кожа на щеках вот—вот воспламенится от стыда.

— Я сейчас умру, — всхлипнула Мэл, но ответом ей было еще более жесткое проникновение, выбившее из ее дрожащего горла вопль. Стоун терзал ее безо всякой жалости, насаживал ее на свой вставший член, словно хотел разорвать на тысячу частей. Разломить ее, как сочный апельсин, упиться ее сладостью.

Тело мужчины,двигающееся над ней, словно отлито из

металла, жесткое, сильное, гибкое. Его член, погружающийся в нее глубоко, очень глубоко, словно каменный. Он раз за разом наполняет Мэл непередаваемыми ощущениями, жестко массирует изнутри, наполняя ее живот сладкими сильными спазмами, от которых Мэл снова кричит, расставляя пошире ноги и вцепляясь ногтями в плечи мужчины, тиская его безупречный костюм, выдыхая свое удовлетворение короткими рваными толчками, рыча, как дикая самка.

Но и тогда Стоун не отпускает ее; его движения замедляются, он обнимает ее — бережно, словно возлюбленную, — жадно сцеловывая ее стоны и крики, стирает катящиеся по щекам слезы, приглаживает волосы, и Мэл кажется на миг, что мужчина на самом деле полон страсти к ней. Любви; нежности. Не банального желания, которое он уже удовлетворил, но чувств, живых, настоящих. Она целует его в ответ, волна его обжигающей страсти снова накатывает на Мэл, обжигая ее кожу, он вжимает ее в сиденье, совершая самые последние, мягкие и сильные толчки, и Мэл чувствует, как он кончает в нее. Его плоть становится очень жесткой, вздрагивает, распирает Мэл изнутри, и она откидывается на сиденье, блаженно закрыв глаза.

«Вот так должно быть с женщиной, — бьется в висках Мэл мысль. — Так. Чтобы никаких сил потом не оставалось. Чтобы удовольствие через край. Чтобы вспоминать было стыдно. И забыть — невозможно...»

- Обжигающе горяча, - шепчет Стоун, вжимаясь в раскры-

тые перед ним бедра, чуть вздрагивая, кончая, не сдерживая стоны. Его пальцы сжимают, тискают ягодичы Мэл, он погружается в ее тело глубоко, наполняя ее своей силой, своим желанием, до стонов, через край. Мэлани мечется под ним, виляя бедрами, чувствуя каждый спазм, что охватывает мужчину, самое мелкое движение, слыша его срывающийся дрожащий голос. - Обжигающе...

Куда мог привезти ее Стоун? Алан, мысленно поправила себя Мэл, насилу усаживаясь на сидении и кое—как прикрывая ноги порванной юбкой.

Только в Башню, самый высокий небоскреб города. В роскошный отель, где он наверняка живет в пентхаусе, из панорамных окон которого город, принадлежащий ему, виден как на ладони. Пятьдесят этажей роскоши, шика, стекла, сверкающего на солнце ярче бриллиантов, и номеров, где селятся только самые состоятельные люди. И на вершине этой человеческой пирамиды жил Алан Стоун. Выше всех. Ближе всех к небу. С роскошной панорамой, открывающейся из окон на город.

Так проще чувствовать его своим...

Обессиленная Мэл, привалившись пылающим лбом к стеклу, видела, как за ним с бешеной скоростью проносятся знакомые улицы города, слепящие огни. Автомобиль увозил ее в другую жизнь, и Мэл все еще не могла поверить, что это происходит с ней. Сил у нее не было даже на то, чтобы

ровно сидеть. Мужчина словно вытрахал из нее все, до последней крупички. Выпил, вылизал вместе с голосом жизнь. Мэл понимала, что сейчас ей придется идти у всех на виду по залитому светом фойе гостиницы, в разорванной юбке, с растрепанными волосами. Но ей это было безразлично. С большим удовольствием она сейчас вздремнула бы, глаза ее закрывались, мысли останавливались.

Алан неспешно и тщательно приводил в порядок свою одежду, оправлял брюки, застегивал пиджак. Он ни о чем не спрашивал и ничего не говорил, но Мэл чувствовала, нет — знала, что планы его не поменялись и что дверца машины сейчас не откроется, и он не выкинет ее в разодранной одежде на улицу.

Нет, так просто он свою добычу не отпустит... Он только начал. И все то, что он задумал, еще впереди.

Мэлани, похоже, все же задремала, потому что когда открылась дверца авто, женщина едва не выпала из него, прямо под ноги Стоуну. С трудом разлепляя тяжелые веки, она увидела, что мордовороты с каменными лицами угодливо придерживают дверцу машины, отрезав весь мир от Мэл, заслонив ее своими телами, не позволяя случайным людям увидеть, что происходит внутри салона.

Алан стоял впереди них всех, у распахнутой дверцы. Видимо, он собирался галантно подать руку Мэлани и помочь ей выбраться из авто, но, честно говоря, она и руки не могла поднять. Стресс и бешенное занятие любовью вымотали ее.

Да и туфли она потеряла, они спали с ее ног и лежали где-то на полу, и сил разыскать их у Мэл не было.

Алан снова ничего не стал спрашивать. Ему одного взгляда было достаточно, чтоб оценить обстановку. Он склонился, скользнул взглядом по сонному лицу Мэл, а затем просто просунул руки под ее вялое, слабое тело и вынул ее из машины.

Дальше он нес ее сам, до самых дверей пентхауса, а его верные мордовороты, окружив его кольцом, не позволяли людям рассмотреть, что за птичка попала в его руки.

Мэл вовсе не была худышкой; она была стройной женщиной, но с хорошими формами. Бедра, грудь, соблазнительная округлость — все это в ней было. Но Алан нес ее так легко, словно она не весила ничего совершенно. С такой непринужденной легкостью женщины носят крохотные клатчи, хвалясь их красотой и дороговизной. Дремлющая Мэл вдруг вспомнила день своей свадьбы и то, как Хью вносил ее в дом, как он осторожно перебирал ногами, переступая порог, нащупывая пол, и как у него тогда руки тряслись, хотя в ту пору Мэл была куда стройнее.

Алан был не так острожен и слаб; он действительно был словно отлит из металла, негибачый, сильный, быстрый. Он стремительно пересек фойе с Мэлани на руках, его шаги были четкими, уверенными, ноги в щегольских остроносых ботинках ступали быстро, так, что щелчки его каблук-

ков звонко отдавались от блестящего пола. В сопровождении охраны вошел в лифт. Зеркальные дверцы закрылись, и Мэл почувствовала, как мягкая тяжесть на мгновение вжала ее в руки Алана. Лифт понес их туда, наверх, в странную новую жизнь.

«Не часто меня на руках носят миллионеры, — подумала с усмешкой Мэлани. — Сильные, красивые, самоуверенные миллионеры...»

Она усмехнулась, но усмешка получилась похожей на стон, и Алан внезапно клонился к дремлющей на его плече Мэл ниже, словно прислушиваясь к ней, словно беспокоясь о ней.

«Как это мило, — все с той же усмешкой думала она. — Такая забота о своей новой игрушке... интересно, почему я? Желающих потрахаться с ним наверняка половина города. Горяча, как он сказал? Держу пари, есть и погорячее...»

Меж тем лифт мягко замедлился, нежным звонком оповестил о прибытии. Алан так же стремительно вышел из него, будто опасаясь, что за ним погоня. В голову Мэл пришла мысль, что Алан очень спешит, спешит провести тот странный ритуал, о котором говорил, и все его слова о том, что он может подождать еще двадцать лет — всего лишь блеф. Ложь.

Он и в самом деле спешил; в несколько стремительных шагов он достиг дверей своих апартаментов, и огромный охранник едва успел отпрыгнуть с его пути, распахнув перед

ним двери. В номер Алан вошел один, оставив всю охрану за дверями, но шаги его не стали медленней. Обессиленная Мэл видела, что он несет ее сквозь все апартаменты, мимо роскошной мебели, обтянутых кожей диванов, вместо того, чтобы уложить ее и освободить себя от ноши.

Нет; конечной точкой его пути был выход на балкон, и Мэл едва не захлебнулась ветром, налетевшим на нее.

— Тебе лучше?

Это были первые слова, произнесенные Аланом за время его странного пути. Мэл, вдыхая холодный поток воздуха, несколько раз мигнула, чувствуя, как жизнь и силы возвращаются к ней.

— Пожалуй, да, — прошептала она. Щеки ее зарозовели от свежего воздуха, она глянула в лицо Алана и увидела на нем невероятное облегчение и одновременно нетерпение. Что-то он снова задумал... Но как следует поразмыслить над этой догадкой он ей не позволил.

— Ты готова? — снова произнес он, чуть подкинув ее на руках, будто устраивая поудобнее.

— К чему? — удивилась Мэлани.

— К еще одному небольшому путешествию, — ответил он просто, и, шагнув к балконному ограждению, просто швырнул ее с балкона вниз.

Глава 4

Что чувствует человек, падая в пропасть? Летя вниз с бешеной скоростью? Вопя во всю глотку и размахивая руками в бесплотной попытке зацепиться за что—то и спастись.

Что он уже мертв.

Адреналин жжет, растворяет тело, разбивает, растаскивает его на клетки, на атомы, и кажется что земли коснется только мертвая кровавая пыль.

А сверху, закрывая небо и солнце, так же стремительно спускается темная огромная тень, застилающая все, гасящая глаза...

Когда огромные когтистые лапы ухватили Мэл, и падение прекратилось, она вцепилась в них с той же силой, с какой они удерживали ее. Мэлани все еще кричала; ветер рвал ее светлые волосы, трепал порванную одежду. Под ее руками была твердая серая чешуя, похожая на крапчатый гранит, острые стальные когти были сомкнуты на ее теле, надежно удерживая. А где—то высоко, выше огромного тела, закрывая дневной свет, мерно взмахивали огромные когтистые крылья.

—Мамочка! — заверещала перепуганная Мэл, подняв голову и рассмотрев ухватившего ее — нет, не огромную птицу и не воскресшего птеродактиля, — дракона! Словно собранного из каменных осколков, покрытого плотной серой

чешуей, с пылающими огнем глазами, как расплавленное в тигле золото. — Это что еще такое!?

Перепуганной Мэлани показалось, что она сходит с ума. Дракон, планируя на огромных распахнутых крыльях, облетал Башню, которая блестящим сталагмитом устремлялась в небо, в потемневшие облака. Собиралась гроза, и дракон летел прямо в фиолетовую тучу, вскипающую над Башней. Ветер относил ее прочь, но дракон упрямо догонял ее, чтобы прошить тяжелое фиолетовое брюхо, словно каменный наконечник стрелы, а затем вынырнуть из нее, блеснув на выглянувшем солнце мокрой гранитной чешуей.

Башня осталась на месте; только выглядела она теперь иначе, не как элитная гостиница, а как тяжелый каменный высокий дом, замок, похожий на застывший мощный столб из лавы, на котором хаотично лепились острые готические башенки.

И самый высокий этаж — онемевшая от ужаса Мэл рассмотрела, что дракон правит прямо туда, на высеченный из камня балкон, за которым угадывается раскрытое окно и тихая темнота нежилых покоев. Такая же точно точка, из которой он забрал ее.

«Стоун решил скормить меня дракону?! — в полной истерике и панике подумала Мэлани. — Это такая миссия!? Но Господи Боже мой, я даже не девственница, как он есть —то меня будет?!»

Дракон завис над каменным балконом, и Мэл ощутила,

как его острые когти разжимаются, отпуская ее. Она заверещала, чувствуя, что снова падает, но тут ноги ее коснулись каменного пола. Не дожидаясь, когда страшный зверь ее отпустит, Мэл рванула вперед, но бежать не смогла, упала, сбивая с ног ураганом, поднятым крыльями дракона, и покати-лась по полу, крепко зажмурившись.

Через мгновение ураган вдруг стих, засияло солнце, словно дракон бросил свою добычу и улетел прочь. А по каменному полу, резкие и звонкие, словно пистолетные выстрелы, раздались шаги, такие уверенные и такие знакомые.

— Вставай, Мэлани. Все кончилось.

Это был голос Алана, и Мэлани с криком подскочила, испуганно оглядываясь.

Комната, куда затащил ее дракон, была поистине огромной — как раз по размеру летающей чешуйчатой твари. Каменный полутемный зал с вычурным убранством. Напротив Мэл, в проеме огромного панорамного окна, стоял Алан — такой же красивый, приглаженный, изысканно и безупречно одетый, и... чужеродный для этого места. Его словно выдернули из ее родного мира и поместили в эту странную каменную сказку. Да и как он тут оказался, черт его дери?! Или это с перепугу Мэл кажется, что Стоун тоже тут?!

Но Алан был реален. Он неспешно, чтобы еще больше не напугать растрепанную, очумевшую от перелета Мэл, приближался к ней, и внезапно его присутствие показалось ей самым зловещим и плохим, что с ней могло произойти.

— Он улетел?! — выкрикнула перепуганная Мэл, указывая на виднеющееся в панорамном окне небо. Голос ее замесался под сводами огромного каменного зала, многократно повторяясь. — Улетел!?

— Кто? — удивлено приподнял бровь Алан. Его голос тоже взлетел вверх, зал словно ожил и вздохнул, многократно повторил «кто, кто, кто» бархатным голосом Алана.

— Дракон! — истерично выкрикнула Мэлани, стягивая на груди разорванную драконьими когтями одежду. — И не говорите мне, что я сошла с ума, я видела его! Какого черта вы ему меня отдали?!

Алан усмехнулся, шрам четче проступил на его щеке, придав лицу мужчины опасное, лютное выражение.

— Нет, не улетел, — ответил он голосом опасным и бархатным. Он развел руки в стороны, словно приглашая Мэл полюбоваться на него — тщеславного, гордого, — и за спиной его, снова закрыв солнечный свет, развернулись огромные кожистые крылья. — Я. Я и есть дракон.

Мэл не помнила, как оказалась на полу. Вероятно, ужас ее был так силен, что ноги его не выдержали, подогнулись, и она упала, все так же потрясенно глядя на человека, который на самом деле был летающим чудовищем, черные глаза которого сейчас пылали раскаленным золотом.

— Дра—акон, — протянула Мэл, потирая лоб. Разум ее пылал.

Конечно! Дракон! Теперь все складывалось в совершенно

ясную, цельную картинку. Его сила, исходящая от него опасность, которую Мэл чувствовала кожей, гипнотизирующий взгляд, его слова — «*меня надо бояться*», — мельчайший жест, каждое слово, наполненное давящей силой, секс, сжигающий силы — все говорило о том, что он не просто человек.

Дракон.

Каменный дракон с горящим лавовым нутром. Хищник, самый безжалостный и кровожадный, какого только себе можно представить.

Он обходит Мэл кругом, не сводя с нее горящего взгляда, складывая, убирая свои магические крылья и неспешно расстегивая свой безупречный щегольской пиджак.

— Нет, этого быть не может! — всхлипывала Мэл, потрясенно оглядываясь по сторонам. — Я, наверное, умерла, да, и это все мне кажется? Стоун выкинул меня с балкона, и я разбилась! А это все мне кажется! Сон разума перед смертью! — истерично выкрикивала Мэл. — Потому что этого просто не может быть! Какие драконы, какие замки! Так не бывает! Не может этого быть!

Алан наблюдал за ее истерикой молча. Когда голос ее ослаб, а рыдания перешли во всхлипывания, он отрицательно качнул головой.

— Я дракон, — еще раз упрямо повторил, пророкотал он голосом сытого хищника, щуря пылающие глаза. — Смирись с этим. Здесь мой дом. Здесь я родился. Здесь свои законы,

иной мир. Поэтому то, что для тебя средневековье и варварство, для меня — имеет огромное значение.

— Какого черта, — взвизгнула Мэл, отступая от дракона, ходящего кругами возле нее. На миг ей показалось, что он, словно хищник на охоте, запугивает ее, как загнанную жертву, заставляя идти туда, куда ему нужно, управляет ею. — Зачем вы хотели меня убить?! Вы же обещали сохранить мою жизнь! Вы обещали!..

— Я не хотел убивать, — равнодушно пожал плечами Алан, стаскивая дорожную одежду и бросая без жалости ее на пол, чуть ли не под ноги Мэл. Она шарахнулась от его вещи, словно от огня, и стала еще на шаг ближе *к его* цели.

— Вы выкинули меня с крыши небоскреба! — выкрикнула Мэл. Истерика накрыла ее с головой, она плакала, но не осознавала этого.

— Я прыгнул следом за тобой, — парировал Алан, расстегивая пуговицы сорочки. — Первый переход всегда пугающий и опасный. Драконов так учат летать. Так они принимают опасность и учатся ей противостоять. И ты приняла и захотела выжить. Поэтому перешла со мной в другой мир. Иного способа я не знаю.

— Но я не дракон! — выкрикнула Мэл, отступая. Спина ее уперлась во что-то твердое, под руками Мэл ощутила гладкую ткань, накинутую на это самое нечто, и Мэл поняла, что дошла ровно до того места, к которому он ее вел.

— Не дракон, — подтвердил Алан, стаскивая с широких

плеч рубашку, все так же пожирая Мэл горящими глазами. — Однако, к делу.

Его безупречная белая сорочка отправилась вслед за пиджаком на каменный пол. Алан, оставшись обнаженным по пояс, вцепился в шелковую ткань, покрывающую загадочное нечто обеими руками, рванул на себя, и Мэл услышала шелест рушащейся тяжелой стены.

— Мой брат, — произнес Алан, комкая пыльный балдахин и откидывая в сторону его нескончаемые складки. — Близнец. Рэй.

Под огромным шелковым балдахином оказалась кровать, огромная, широкая. Настоящая королевская постель, застеленная шелками.

И на ней, раскинув руки и неловко распластав смятые крылья, лежала прекрасно выполненная из серого мрамора статуя. Еще не дракон, но уже не человек. На грани оборота. Обнаженный мужчина — Мэл стыдливо отвернулась, чувствуя, как краснеет, потому что все возбужденное мужское достоинство было выточено из камня так реалистично, что, казалось, камень жив. Каждая складка, каждая вена, даже поры — казалось, камень дышит. Плоский подтянутый живот, казалось, вздрагивает от ударов пульса. Широкая грудь вот—вот вздохнет. Руки стиснут драгоценные шелка.

Лицом Рэй невероятно похож на Алана; те же глаза, брови, упрямо сжатые губы. Разница только в шраме — у того, кого Алан назвал Рэем, шрама на лице не было.

— Я отделался легче, — рыкнул Алан, ступив к онемевшей Мэл. — А он... нет, он не мертв. Ночами я слышу, как он зовет меня и просит помочь ему встать. Мы — каменные драконы, Мэл. Говорят, когда—то давно наш предок спустился с гор и взял себе женщин, чтобы посеять свое семя. Но чтобы камень был жив, в нем должен гореть пожар. Огонь. Должен жить вулкан. Тот, в ком он погас, умирает. Но Рэй жив. И чтобы он встал и избавился от каменной неподвижности, мне и нужен этот ритуал.

— Что за ритуал?! — испуганно вскрикнула Мэл.

Алан подошел к ней вплотную, приблизил свое лицо к ее, заглянул в ее светлые перепуганные глаза своими — раскаленными золотыми, с узким вертикальным зрачком.

— Я жив и горяч, — шепнул он. В его тихом бархатном голосе слышалась угроза. — Ты тоже жива, и я могу вдохнуть в твою кровь достаточно пламени. Втроем... мы сольемся втроем воедино, я дам тебе свой жар, и ты согреешь его. Для этого ты мне и нужна — живая, страстная, горячая.

— Что?! Что?! — бормотала Мэл.

Алан стоял так близко, что она чувствовала его жар снова. От этого жара у нее воспалялись мысли, кипела кровь, и он, склонившись еще ниже, почти касаясь ее губ своими губами, дыша горячо, произнес тихо—тихо, но с такой силой в голосе, что Мэл и возразить не осмелилась.

— Мы займемся любовью втроем.

Глава 5

Мэлани показалось, что мир замер, остановился, и живо только ее дыхание, слишком шумное, частое, похожее на вскрики попавшего в беду человека.

— Нет, нет, — шепчет она, — это невозможно, это невероятно!

Алан не отвечал.

Он стоял перед ней — обнаженный, высокий, угрожающий, — перед маленькой испуганной Мэл. Холод, которым дышало раскрытое окно, жестко очертил мышцы на его широких напряженных плечах, коснулся подрагивающего живот с темной дорожкой волос. Меньше всего сейчас он походил на нежного и страстного любовника. Было в его наготе что-то варварское, первобытное, дикое и неукротимое, что лишало Мэл воли, заставляло ее голос затихнуть в ее груди.

Его руки осторожно касаются Мэл, распуская застёжки ее изорванной, приведенной в негодность одежды. И это действие реально похоже на ритуал; неспешное, осторожное. Мэл видит, как каждая пуговка под его пальцами расстегивается, аккуратно и неспешно. Как ее бюстгальтер, расстегнутый его осторожными горячими пальцами, спадает с нее; бретельки скользят по плечам. Он мог бы сдернуть ее одежду одним движением, дико растерзать, как в автомобиле, но сейчас, когда Мэл напугана, он не хочет травмировать ее

психику еще сильнее.

— Я не могу ждать, Мэл, — взхлеб шепчет он ей на ухо, а затем опускается и осторожно стаскивая с нее им же разодранную юбку, сжимая ладонями ее гладкие бедра. — С каждым днем, с каждым часом искра, что горит в нем, все слабее. Поэтому нужно попробовать прямо сейчас. Возможно, для тебя все закончится сегодня. Возможно, тебе удастся то, что не удавалось многим. Очень многим. Сотням. Подумай об этом; если да, если все удастся, то я отнесу тебя обратно уже сейчас. Сразу же. К твоей дочери. Вытряхну твоего мужа из дома, сделаю для тебя все, что попросишь. Подарю тебе весь твой город. Все. Лишь бы ты отдала свою страсть нам... мне. Ему. Сможешь? Никакого насилия. Никакой боли, только страсть. Только наслаждение. Сможешь ли ты раскрыться перед нами обоими?

В его горячем, обжигающем, рокочушем голосе хищника слышались умоляющие нотки, и Мэл задрожала всем телом, ощущая, как к ее ногам падает ее одежда.

Встав на колени, Алан снимает с ее ног чулки — по очереди аккуратно сжимает ладонями бедра, спуская золотистый капрон. Его губы касаются ее ног, оставляют теплые поцелуи на бедрах, коленях Мэл, и та замирает, трепеща в руках Алана.

Ветер, гуляющий по залу, коснулся ее кожи холодом, лизнул влагу на ее горячем лбу, острыми иглами наколол соски, ставшие острыми и маленькими. Алан, почувствовав хо-

лодный порыв, поднялся, заслонил собой женщину от ветра, распустил вновь пугающие ее крылья, обнял ими, горячими, живыми, заключая ее в теплый кокон.

— Не бойся, — его большой палец коснулся ее дрожащих губ, лаская. Его огненные глаза смотрели в ее, светлые, перепуганные, а в голосе его слышалась нежность. — Я сделаю тебе хорошо... Очень хорошо. Обещаю. Я умею. Не бойся...

Но Мэл не слышала его. В ее ушах звучал лишь собственный голос, который вскриками и всхлипами срывался с ее губ, и катался эхом под потолком. В нем было столько страха, что он пугал Мэл больше этой странной реальности, больше дракона и больше странной статуи за ее спиной. А потому Алан склонился над обнаженной девушкой и поцеловал ее, заглушая паническую дрожь в ее голосе. Его горячая ладонь легла на ее дрожащий живот и погладила — медленно—медленно скользя вниз, по лобку, между дрожащих ног, — и там, меж бедер, задержалась, чуткими пальцами отыскивая дырочку, вход в сжавшееся лоно.

От поцелуя у Мэл закружилась голова, от вкрадчивого касания ей показалось, что ее кипятком обварили; волна жара, перемешанного со стыдом и возбуждением, рванула по ее нервам вверх, к голове, топя в горячей крови разум, и Мэл заплясала на самых кончиках пальцев, постанывая, чувствуя, как его пальцы прижимают ее стремительно намокающее лоно.

- Да, так, - шептал в задыхающиеся губы Алан, увлекая

ее на постель, пользуясь тем, что Мэл дезориентирована и мало понимает, что происходит. - Хорошо... Я хочу, чтобы ты меня желала... Так, хорошо...

Он уложил ее на спину, и под собой Мэл ощутила гладкий теплый мрамор. Статуя была теплой; как ее собственное тело. Как кожа Алана, склоняющегося над нею, исцеляющего ее губы, вдыхающего в нее дикую, необузданную страсть.

- Хорошо...

Он почти шипит, и Мэл снова слышит свой голос, заматавшийся под потолком испуганными вскриками, когда он принуждает ее перехватить ее собственные ноги под коленями и бесстыдно раскрыться перед ним.

- Да, так, - шепчет он, любовно поглаживая ладонью раскрытое перед ним лоно, покрывая невесомыми поцелуями распахнутые нежные мягкие бедра, гладкий лобок и мягкие губки. - Так...

Он обхватывает бедра Мэл и приникает жадным поцелуем к ее раскрытому тайному местечку, дразня его языком, вылизывая сочащуюся влагу. Мэл вскрикивает, и ее полный испуга и наслаждения голос многократно повторяется эхом, превращаясь в симфонию желания и испуга, такого первобытного чувства; страх и страсть. Наслаждение и грех.

Алан лижет женщину, проводя длинным гибким языком от горящей желанием точки клитора до сжавшегося пятнышка ануса, а Мэл снова почти кричит, чувствуя, как горячим

жжением наливается ее живот, и жгучим, неумным желанием - ее промежность. Она виляет бедрами, но ей не спастись от горячих ласк Алана. Он целует и целует ее, чувствительно прихватывает губами мягкие набухшие лепестки, скрывающие ее лоно, и Мэл, зажмурившись, крепко ухватив себя под коленями, движется, бесстыдно вилая бедрами, ласкаясь об длинный змеиный язык дракона.

- Господи боже, - беспомощно шепчет она, чувствуя, как язык проникает в нее, в ее тело, толкается мягко внутри нее, затем выскальзывает, обвивает клитор и сокращается, мягко, но так чувствительно, доводя Мэл почти до обморока. - Го-о-осподи-и-и...

Жесткий мрамор толкается в ее сжавшийся анус; Мэл взвизгивает, но Алан не позволяет ей испугаться и сжаться сильнее. Он припадает губами меж ее поднятых ягодич, целует и лижет там, на горячем темном сжатом пятнышке, касается, разглаживает пальцами, наполняя тело женщины желанием. До тех пор, пока Мэл не выкрикивает свое жгучее возбуждение.

Она вопит во все горло, едва не рыдая, нетерпеливо вилая бедрами, стараясь, вывернуться из-под его ласки, которая внушает ей желание, нестерпимое, непереносимое. Алан крепко удерживает ее, его пальцы впечатались в нежное белое бедро. Другой рукой он поглаживает пульсирующий анус Мэл, чуть касается его подушечками пальцев, доводя женщину до исступления, до поскуливаний.

- Ну, ну, - рыдает она, мечась, как в беспамятстве.

Она вся мокрая, она течет так, что его пальцы, пахнувшие ее соком, легко погружаются в ее тело сзади, мучительно и приятно толкаясь все глубже и глубже. Алан снова обхватывает ее бедра, - бережно, мягко, - и тянет вниз, на теплый гладкий мрамор. Мраморный член входит в ее анус, Мэл вскрикивает болезненно, и Алан тут же припадает в ее лону губами, старательно лаская ее, заставляя забыть о боли.

Каменный член внутри нее; Мэл чувствует, как он медленно, мелкими толчками проникает внутрь нее с каждым ее вздохом, все глубже, глубже, наполняет ее тревожными сладкими ощущениями. Ее просто распирает; она ощущает каждую выпуклость, каждую каменную вену, округлую массивную головку, упирающуюся внутри ее тела в чувствительные точки. Длинный змеиный язык Алана ласкает ее, поглаживает ее бедра, вылизывает туго натянутую кожу вокруг погрузившегося в ее тело каменного члена, и Мэл снова шумно выдыхает свое предательское возбуждение. Дикая жажда рождается в ее животе, сочится ароматной смазкой из ее лона.

Он видит ее такую - распятую под его ласками, надетую на член, беспомощную и трепещущую, с разведенными покорно ногами - и это его возбуждает. Мэл ощущает его горячую ладонь на своем лобке, слышит его жадное горячее дыхание, ощущает его жадные поцелуи, укусы на своих бедрах, на самой чувствительной их стороне. Алан дышит за-

пахом ее возбуждения, пресыщается ее жалким животными стонами. Его пальцы теребят ее клитор и Мэл, сжавшись, откинув голову на каменное плечо статуи, кричит, виляя бедрами, безжалостно насаживаясь на каменный член уже без опаски, потому что все ее существо возбуждено, налито удовольствием до краев, и даже легкая боль не может его стереть, уничтожить. Мэл движется, чувствуя, как пот катится градом по ее коже, как каменный член проникает все глубже в ее тело, заставляя обмирать и верещать от возбуждения, а пальцы Алана все поглаживают ее возбужденный клитор меж ее широко разведенных ног. Алан любит ее сокровенной женской красотой, беспомощностью, мягкостью, и Мэл краснеет, чувствуя, как любовно и нежно он оглаживает ее пальцами, лаская, рассматривая движущийся в ее теле каменный член.

И она покоряется, принимая мучающую ее ласку, дрожа всем телом, как загнанное животное. Алан отрывается от нее с видимой неохотой и усилием, дотягивается до ее губ и закрывает ее рот поцелуем, проникая в ее рот языком, лаская ее возбужденные губы, ее язык, глуша ее стоны, всхлипы и крики.

- Скажи, - выдыхает он, крепко сжимая ее бедра, - скажи, что хочешь меня.

- Хочу, - стонет Мэл, чувствуя, как его возбужденный член трется о ее мокрое лоно.

Он закинул ее ноги себе на плечи и прижался плотнее к ее

разведенным бедрам, пристраиваясь к ее раскрытому лону. Головка его члена входит в нее туго, осторожно, и Мэл вопит, потому что ей кажется - еще немного, и ее разорвет пополам. Острые ощущения переполняют ее, член Алана медленно погружается в нее глубже, и Мэл ощущает их вместе - камень и горячую плоть, - в себе. Алан стонет, изнемогая, потому что ему - узко, тесно, обжигающе хорошо, на грани страдания, и он дарит множество поцелуев Мэл, чье тело его принимает и мучает.

Он осторожно толкается раз, другой, затем - жестко, сильно, погружаясь в узкое тугое лоно, показывая свое желание, свою жажду. Чтобы она прочувствовала его, что бы приняла и покорила его желанию, его возбуждению.

Мэл теперь кажется, что оба члена в ней движутся. Трутся друг о друга сквозь тонкую перегородку ее плоти. Массируют ее самые глубинные чувствительные точки так, что ее ноги дрожат, трясутся, и непроизвольно вытягиваются, напрягаясь. Она кричит, изнемогая, чувствуя, как все ее существо пульсирует наслаждением и слабостью. Тело Алана, жесткое, сильное, гибко и быстро движется над нею, его член выныривает и погружается в нее, тугую, узкую, жаркую. Наслаждение переходит грань страдания, Мэл вопит, чувствуя, как ее мышцы вибрируют от быстрого оргазма, сокращаясь на движущейся в ее теле плоти. И на камне, что берет ее сзади, с той же страстью и той же силой, что живой член.

- Достаточно! - кричит она, чувствуя острое прикоснове-

ние к клитору, вырываясь и погибая от наслаждения. - Все, все!

Но каменные руки вдруг оживают. Они подхватывают ее ноги, прижимают ее колени к ее груди, делая Мэл, натянутую на жесткий мраморный член, максимально раскрытой перед Аланом. Она кричит, но это уже не решает ничего; Алан наваливается на нее, входя максимально глубоко, мягко и настойчиво массируя ее бархатное донышко, и каменный член совершенно отчетливо толкается сзади в ее горячее нутро, доводя ее до безумия, до исступления, до сумасшествия. Мэл отчаянно бьется, зажата между двумя мужскими телами, насаживаясь на оба члена по очереди, заставляя мужчин вскрикивать от острых ощущений, что дарит им ее жаркое тело.

Мэл жарко; нестерпимо жарко. Она мечется, рассыпав золотые волосы, кричит, стонет, пока ее губы не находят губы того, что зовется Рэем. Он отпускает ее ногу, зарывается пальцами в ее золотые волосы, привлекает в себе и целует, сладко и жадно, не позволяя и пискнуть, до тех пор, пока она не кончает еще раз, забившись в сжимающих ее руках. Рэй прижимает ее к себе, властно, сильно, проникая в ее рот языком, пока Алан трудится над ее беззащитным телом, и пока оба близнеца не кончают в нее - содрогаясь, вжимаясь в женщину до боли, утопая в наслаждении, лаская обе ее дырочки, по очереди исцеловывая ее разгоряченные губы.

Алан расправляет кожистые огромные крылья, обхваты-

вая всех троих, и жар охватывает все три тела, словно огонь металл в горниле.

Мэлани бьется и стонет, но пара губ снова целует ее по очереди, стирая вопли и крики, и безумие страсти медленно отступает, уступая очередь усталости, неге и облегчению. Мужчины движутся неспешно, их ласки неторопливы, сладки и нежны. Жар делает свое дело, Мэл ощущает, как каменные руки становятся живыми и мягкими, грудь - дышит, и живот Рэя становится мягким и упругим. Мужчина под Мэлани вздрагивает, шумно выдыхает, блаженствуя. Его крылья тоже оживают, он обхватывает ими крылья брата, прижимая теснее и Мэл, и Алана.

- Спасибо, - шепчет Рэй, жадно оглаживая обнаженное влажное тело дрожащей измученной женщины ладонями. -

Алан молчит; все его тело - мокрое, горячее, уставшее, - вздрагивает от бешеных ударов пульса, он отыскивает губы Мэл и целует ее так, что она почти теряет сознание.

Глава 6

Поутру Мэлани проснулась в мягкой теплой постели, в комнатке маленькой, но яркой, как шкатулка, набитая драгоценностями и красивыми безделушками. Солнечный свет дрожал на золотых узорах шелковых обоев на стенах, переливался в золотых кистях подушек...

Кто принес ее сюда, как она попала под полог из пестрых китайских шелков — она не помнила. Кто положил ее сюда, голую, измученную, кто накрыл теплым покрывалом — не помнила. Зато подробности своего страстного свидания с близнецами вспомнила мгновенно, в мельчайших подробностях. До самого тихого стога, до тончайшего прикосновения. Ей показалось, что руки драконов все еще глядят и обнимают ее, бесстыдно исследуя ее тело, разводя ее ноги и жадно проникая в ее горячее нутро жесткими пальцами.

Все тело Мэлани болело; каменные братья, при всей их деликатности, с которой они укрощали собственную силу и страсть, все же здорово помяли ее, наставили на белоснежной коже синяков. Потому Мэл, усевшись в постели, тихонько ругнулась, погладив нежные внутренние поверхности бедер, расписанные синими пятнами — следами, где ее держали, стискивали каменные пальцы.

Рэй ожил; это она могла сказать с полной уверенностью. Она помнила его безумные поцелуи, его жадные руки на сво-

ей груди, стискивающие нежную мякоть, толчки его члена в своем теле и стон удовлетворения — долгий, мучительный, сладкий, который он разделил с нею, шепча ей на ухо задышающимся голосом какую-то нежную чушь... При воспоминании об этом, о страстной жадной дрожи, с какой касался ее этот незнакомый мужчина, Мэл обмирала, в животе ее словно повторялись сладкие спазмы, и меж ног, там, где все горело и припухло от чрезмерного внимания драконов-братьев, становилось мокро.
 — Черт бы побрал этого каменного истукана, — ругнулась Мэл, краснея и сердясь на себя оттого, что эти воспоминания ей приятны. Не страшны, не противны — приятны. — Почему я тогда здесь?! Почему Алан не отнес меня домой, он же обещал!

Она столкнула одеяло, спустила ноги на пол, оттолкнула пестрые шелка... и замерла, оказавшись голышом перед служанками, выстроившимися рядком перед ее постелью и тотчас согнувшихся в глубоком поклоне, стоило ей только распахнуть занавес.

— Госпожа! — прошелестела одна из них смирным почтительным голосом, видимо, старшая прислужница.

Мэл была приятно удивлена, что никакого языкового барьера не существовало. Драконы? Они существа вездесущие. Могли выучить и язык ее страны, ее мира. Но то, что на нем изъясняются другие люди... Это дает некоторую свободу. Мэл ощутила облегчение, когда поняла, что может поговорить с кем-то, спросить о своем положении, да просто

получить поддержку!

— Госпожа? — пробормотала она удивленно, оглядывая подобострастно кланяющихся девушек. От звука ее голоса они снова поклонились, еще ниже, едва ли не бухнувшись ей в ноги, старшая прислужница сложила ладони в приветствии, так похожем на традиционные приветствия азиатов.

Она была одета богаче всех — в длинные одежды из шелка, перетянутые широким пестрым шелковым поясом. Ее черные, словно смоляные, волосы были собраны в узел и закреплены длинными деревянными палочками, украшенными белыми цветами.

— Доброго утра, госпожа Великая Ведьма!

— Что?! — пробормотала Мэл, оторопев и даже позабыв прикрыться. — Почему я ведьма?! Почему?!

— Господин Рэй вашими усилиями возвращен к жизни, — пошелестела прислужница так же почтительно и испуганно. — Это не удавалось никому, уже давно он существовал в виде камня, а вы... вы велики, воистину!

Она снова согнулась пополам, склоняя к ногам Мэл черноволосую голову, и Мэл вспыхнула от стыда, понимая, что все прекрасно осведомлены о способе, которым она «оживляла» Рэя. Однако, помимо стыда она ощутила еще и свербящее беспокойство.

Почему же Алан нарушил свое слово?!

«Неужто передумал? — думала Мэл, лихорадочно отыскивая на постели, чем бы прикрыться. - Решил меня тут

оставить, развлекаться?! Забыл? Наплевал? Подумал, что я слишком жалкая, чтобы держать слово, данное драконом, перед какой-то ничтожной женщиной?»

— Я могу... — нерешительно пробормотала Мэл, кое-как замотавшись в шелковое покрывало.— Могу я увидеть... драконов? Алана или Рэя... все равно кого... мне нужно поговорить... попросить...

Мэл трясло; от понимания того, что она находится далеко от дома, всецело во власти тех, кто — невероятно, невозможно! — оказался драконами. От понимания того, что даже сбежать отсюда она не может — куда бежать?! Это вообще другой мир! От мысли о том, что негодные хищные твари вполне могли причислить ее к разряду своих вещей, игрушек, и не думали даже ее отпускать, ей хотелось рыдать. А как же Алисия? Неужто Мэл никогда не увидит дочь?!

Ее слова, ее жалкий перепуганный, затравленный вид никак не вязались с почтением, которое ей выказывали прислужницы. Но главная над ними словно не замечала этой жалкости. Она снова важно поклонилась, весь ее вид говорил о том, что она горда тем, что прислуживает Великой Ведьме.

— Господин Дракон, — торжественно ответила она, — уже спрашивал о вас, Великая Ведьма! Он будет ждать вас за завтраком.

— Так надо скорее!.. — выкрикнула Мэл, спрыгивая с постели. Прислужница, вся светясь подобострастием, деликат-

но указала на Мэл, завернутую в одеяло, красивым пальчиком с аккуратным розовым полированным ноготком:

— В таком виде? — вкрадчиво произнесла она. — Может, сначала принять ванную, смыть с себя усталость, мужской запах?..

Мэл покраснела, прекрасно понимая, о каком запахе говорит прислужница.

О семени драконов.

«Черт, — подумала Мэл, — тут все, буквально все знают, чем я занималась этой ночью... стыд-то какой! Как людям в глаза смотреть?! Все будут меня рассматривать, как...»

— Да, пожалуй, — пробормотала Мэл, отчаянно краснея. — Ванную...

Прислужница склонила почтительно голову.

— Зовите меня Цуу, — мелодично пропела она красивым голоском. — Господин дракон приставил меня к вам. Я вам помогу во всем! Помогу одеться и привыкнуть к нашему миру.

— Вы и об этом знаете? — поразилась Мэл. Цуу почти-тельно кивнула, прикрыла глаза.

— Великие Ведьмы, — веско заметила она, — рождаются только в Свободном Верхнем Мире. У нас Великую Ведьму замечают еще с рождения и выпивают их дар... или присваивают. Очень скоро. Мы уже привыкли, что господин дракон Алан приносит женщин из Верхнего Мира.

— Их было много? — удивилась Мэлани.

— Очень много, — подтвердила Цуу. — И всех их он относил обратно почти сразу. Ни одна из них не была так велика, как того требовал ритуал.

По мановению красивой ручки Цуу прислужницы оживились, сдвинули шелковую красивую ширму. За ней обнаружилась ванна из крапчатого мрамора, парящая от горячей воды. В лицо Мэл дохнул аромат благовоний и эфирных цветочных масел, а прислужницы развернули перед ней, демонстрируя, алое шелковое одеяние, украшенное черными ветвями с розовыми распускающимися цветами, и раскрыли ларец с украшениями, массивными, блестящими.

— Господин дракон, — вкрадчиво произнесла Цуу, — выражает вам свою сердечную благодарность, уважение и искреннюю симпатию. Отныне ваши волосы будут расчесывать только золотые гребни, мебель будет только из палисандра и сандала, а тело ваше будут одевать только самые дорогие и красивые ткани!

— Ну, — пробормотала Мэл, одуревшая от великолепия драконьих подарков, — пусть будет так.

Прислужницы увлекли Мэл в ванную, щебеча как птички и сыпля комплименты без меры, как туча льет дождь. От горячей душистой воды все мышцы в теле девушки расслабились, Мэл вздохнула свободнее, тая от наслаждения, пока веселые служанки отмывали ее, массировали ее плечи, ступни, неспешно вычесывали золотые волосы Мэл.

Прислужницы то и дело раскрывали перед ее лицом мно-

гочисленные ларцы и коробочки, давали понюхать благовония, духи, розовую воду — стоит ли добавлять в ванную? А волосы чем надушить? А массаж сделать с лотосовым маслом или с сандаловым?

— От этого масла, — ворковала Цуу, — кожа станет мягкой и чувствительной! А от этого — белой, все раны и царапины заживут, как и не было...

Мэл краснела, и прислужницы капали в ее ванну чудо-снадобий, и тянущая боль уходила из ее натруженных ног, рук...

— Господин дракон хочет выглядеть благодарным и щедрым, — тянула свою вкрадчивую песенку Цуу, а у Мэл вдруг промелькнула мысль, что «господин дракон» ведет себя как мужчина, которому женщина понравилась, и он хочет украсить ее по-своему... для следующего раза. Для еще одной встречи. Дарит подарки, чтобы привлечь ее внимание. Чтобы завлечь, как мужчины обычно увлекают женщин. От этой догадки Мэл краснела еще сильнее, и прятала лицо, одновременно пугаясь этого драконьего интереса и замирая в томительном сладком предвкушении.

«Зачем ему все эти ухищрения? — размышляла Мэл, пока прислужницы укладывали ее чуть влажные волосы в прическу, скалывая локоны многочисленными золотыми украшениями, устраивая живые орхидеи в ее прическе. — Он же дракон. Он же может взять силой... теперь-то мне бежать некуда. Я вся в его власти. Так зачем эти подарки, наряды?

Зачем эти игры? Зачем делать вид, что ему не все равно, что я думаю и чувствую? Зачем изображать заботу?»

Выкупав Мэл, прислужницы завернули ее в нежную хлопковую ткань, осторожно промокая зарозовевшую от теплой воды кожу.

— Госпожа прекраснее утреннего розового рассвета, — щебетала Цуу, когда Мэл увлекали на массажный стол. — Мы подготовим вас ко встрече с господином драконом, и вы будете прекраснее всего, что видели его глаза, и сможете уговорить его на любое...

Мэл, растянувшись на столе, уткнула разгоряченное лицо в бархатную подушку с кистями, думая, что дракона «на любое» уговаривать не надо. А вот отпустить... Сердечко ее заныло. Ну, почему же он обманул?..

В столовой у драконов стоял длинный стол черного дерева, отполированный до безупречной мраморной гладкости. Во главе его, в пестром синем халате сидел сам дракон, с аппетитом уплетая весьма роскошный завтрак. Место подле него пустовало; и Цуу, подтолкнув оробевшую Мэл, зашептала, таинственно округлив глаза:

— Господин дракон оказывает вам великую честь, предлагая разделить с ним трапезу. Ну же, смелее! Это великая честь и большое счастье — есть из рук дракона.

Мэл, сглотнув ком, застрявший в горле, нерешительно шагнула вперед, босой ножкой по ковру из лепестков роз, не

сводя взгляда с дракона. С первого взгляда она поняла, почувствовала, что перед ней не Алан — Рэй. Тот, кто вчера был мертвым камнем, сегодня радовался жизни.

«Значит, это спасенный решил быть благодарным и щедрым, — подумала Мэл, присаживаясь рядом с драконом на высокий стул из черного дерева, с красивой резной спинкой. — Как мило с его стороны!»

Тысяча мелочей, таких крохотных, едва заметных, говорили о том, что это не Алан. Невероятно похожий на брата, Рэй, однако, не был отмечен шрамом на щеке; кроме того, он казался намного мягче Алана, и неторопливее его. Он с аппетитом ел отменно приготовленное мясо с душистыми травами, и казалось, что каждый вздох доставляет ему удовольствие. Рэй пригубливал красного вина, сверкающего рубином в его бокале, и со вздохом откидывался на спинку стула, жмуря от удовольствия глаза. Каждый миг жизни, заново проросшей в его теле, доставлял ему невероятное удовольствие. Он смаковал — нет, не трапезу, жизнь, — с той же жадной радостью, с какой гурманы пьют коллекционное вино, и на лице его выписывалось что-то невероятное. Счастье, великое счастье.

— Какое это удовольствие, — пророкотал он, отпивая еще из своего бокала, — быть живым! Доброго утра, прекрасная золотая Мэлани, Великая Ведьма.

Он смотрел смеющимися сияющими глазами на Мэл, и та смутилась, стушевалась под его прямым оценивающим

взглядом. Рэй рассматривал ее так откровенно, так бесхитростно и с таким восторгом во взгляде, что симпатию его Мэл ощутила так же ясно, как прикосновение. Как если б он обвел овал ее лица рукой, любуясь, словно совершенной статуей, сотворенной великим скульптором.

— Как тебе спалось? — поинтересовался Рэй, промокая красные от вина губы белоснежным поданным полотенцем, покуда перед Мэлани расторопно ставили тарелку, бокал для питья, клали столовые приборы.

— Хорошо, — прошептала она, не зная, куда спрятать глаза. — Я отлично выспалась и отдохнула спасибо...

— Масла должны были унять боль, — заметил Рэй, пригнувшись к тонкому прекрасному аромату, исходящему от Мэл. — Легче тебе?

— Да, благодарю, господин Рэй, — шепнула она, и горячая рука дракона накрыла ее ладонь.

— Это я тебя благодарю, — сказал он от всего сердца, склоняясь над ее рукой и горячо целуя ее пальцы. А затем — порывисто, внезапно, — перевернув ее кисть ладонью вверх, запечатлел горячий страстный поцелуй на ее запястье, на бьющемся пульсе, лаская кожу Мэлани губами неспешно, нежно, так, что ей показалась, что ей в кровь плеснули лавы, и та покатилась по венам, до самого сердца, сжигая на своём пути все, утопив в пожаре мысли, тревоги, страхи. — Ты меня спасла. Ты позволила мне родиться заново. Я благодарен тебе, наверное, больше собственной матери.

Рэй поднял на нее глаза — темные, глубокие, влажные, полные ласки, — и Мэл снова ощутила, как у нее замирает сердце и катится куда—то вниз, а дыхание обрывается, словно ее скинули из жаркого дня в ледяную реку. Дракон смотрел на нее со страстью; с желанием. С откровенными намерениями, с жадой отведать ее тела еще. Возможно, он сделал бы это прямо здесь, на столе, если б...

— Я рада слышать, что вы в добром здравии, — пробормотала Мэл, не смея отнять у дракона свою руку и млея от второго его поцелуя, — но как же я? Что со мной?.. Алан обещал... он сказал, что отнесет меня обратно, как только вы выздоровеете...

Рэй слушал ее смущенные просьбы с улыбкой; глаза его сверкали, озорно и доброжелательно.

— Он непременно сделал бы это, — ответил Рэй. — Он не из тех, кто обманывает. Он дракон, а не ярмарочный жулик. Но видишь ли, Мэлани, — он произнес ее имя с удовольствием, словно оно ласкало ему язык так же, как самый изощренный поцелуй, — есть одна проблема.

Он небрежно откинул полу пестрого халата, и Мэл вскрикнула, увидев, что ноги его остались каменными. Словно выложенные серой каменной чешуей. Он попытался двинуть ими, но это удалось ему с трудом.

— Немного не удалось, — тихо, с озорной улыбкой ответил он. — Не все сразу. Вряд ли я буду хорошим танцором в ближайшее время. Но ты ведь поможешь мне в решении

этой проблемы?

Он снова поднес ее руку к губам, припал поцелуем к ее пальцам, лаская их языком более чем откровенно, да так, что Мэл не сдержала откровенного вскрика. Взгляд Рэя, обращенный к ней, был взглядом мужчины, который не просто жаждет — он *возьмет* свое. И то, что он не может ходить, не делает его менее опасным. Откровенно говоря, Рэй на это плевал. Сила его желания была намного больше, чем каменная вынужденная неподвижность.

— Но я не могу сейчас, — пискнула Мэл, багровея до корней волос. — Я не могу... то есть... я так устала, и...

— Я понимаю, — мягко ответил Рэй, накрыв ее ладонь своей и укачивая ее руку в своих руках, вселяя этим простым, почти дружеским жестом покой в ее истерзанное сердце. — Ты должна отдохнуть. Я не тороплю, я не смею настаивать, хотя не скрою — я хотел бы тебя прямо сейчас. Еще раз. Но вместе с излечением наступит и разлука, — Рэй ослепительно улыбнулся, снова склонившись над ее ладонью, словно над замерзшей птичкой. Он по очереди перецеловал все ее пальчики, едва не постанывая от нетерпения. — А так... моя болезнь позволит нам поближе познакомиться... и мне побыть с тобой немного дольше...

— Я замужем, — выдохнула Мэл, из последних сил сопротивляясь магнетизму, влечению к Рэю, который, казалось, гипнотизировал ее своими сияющими глазами.

— А я знаю, — вкрадчиво ответил он, щуря опасные гла-

за. — Но разве это может кого-то остановить?..

Глава 7

Рэй явно решил быть галантным. Или, вероятно, всегда был таковым; флирт давался ему невероятно легко, он разговаривал с Мэлани так, словно тысячу лет был с ней знаком, все о ней знал, и был уверен, что она его не отвергнет, не закроется... впрочем, какое закроется! Одного взгляда в его смеющиеся глаза хватало, чтобы попасть под его обаяние и пропасть бесповоротно, утонуть с головой и желать, чтобы Рэй был как можно ближе...

В его глазах не было ни притворства, ни лжи; Мэл ему действительно нравилась, она готова была поклясться в том, что если б позволила — Рэй просто терся б об нее, как огромный змей, сжимая в объятьях, как в бесконечных питоньих кольцах. Раньше эта мысль напугала бы Мэл, но сегодня эта красочная сцена, нарисовавшаяся в ее воображении, почему—то показалась ей возбуждающей. Она смущенно спрятала от Рэя взгляд, чтобы он не понял, не заметил, что она жаждет этой неторопливой, тягучей ласки, охватывающей все ее тело. И что—то подсказывало ей, что Рэй может устроить все это; обхватить ее крыльями, обнять, обвить чешуйчатым драконьим хвостом...

— А где же Алан, — пискнула она, удушливо краснея лишь для того, чтобы сказать хоть что—нибудь и перевести внимание Рэя со своей персоны на нечто другое.

— Алан в Верхнем мире, — ответил Рэй, слегка удивившись этому вопросу. — У него перед тем миром есть некоторые обязательства. И перед тобой, Мэлани, насколько я знаю. Он обещал приглядеть за твоей дочерью — он это делает. Не беспокойся ни о чем. Если ты хочешь о чем—то спросить его — то он скоро будет.

Напоминание о верхнем мире, мире, где Мэл родилась, тотчас вернуло и мысли о дочери. Алисия! Разумеется, никакие наслаждения с мужчиной, с самым харизматичным и страстным, не стоят ребенка!

— Почему же не сработал ритуал, — вырвалось у Мэл. — Я же сделала все, как сказал Алан! Я же была покорной! Я же...

— Покорной, — эхом повторил Рэй. — Похоже, в этом все дело. Алан все упрощает и не хочет лишний раз касаться сердца; он бывает груб и толстокож, но это защитная маска от всех и вся. Он велел тебе подчиняться, но мне не нужна твоя покорность. Я хочу, чтобы ты желала меня. Когда ты захочешь и придешь сама, тогда все получится. Ну—ка...

Рэй протянул Мэлани руку, и та не посмела отказать, вложила в его ладонь свои пальцы. Рэй привлек ее, усадил к себе на колени, уложил ее голову себе на плечо, обнял, словно защищая собой, своим телом, ее от всего мира. От него исходил такой мощный магнетизм, что Мэл ощутила невероятный покой в его объятиях. Так хорошо ей не было ни с кем и ни когда, и она доверчиво прижалась щекой к его одежде.

— Мэлани, — произнес Рэй, посмеиваясь, жадно рассматривая женщину яркими глазами, сжимая ее талию. — Наверное, трудно позабыть обо всем, что мучает, тревожит, и пожелать чужого, незнакомого мужчину?

Он склонился над ней, и, все так же улыбаясь, коснулся ее губ, даря невесомый, очень нежный, как прикосновение крыла бабочки, поцелуй.

В этом интимном касании было столько всего, что Мэлани едва не задохнулась от нахлынувших на нее чувств. И тонкая ласка, и трепет легкой восторженной влюбленности, и робость, боязнь быть отвергнутым — хотя Мэлани поняла, что не смогла бы оттолкнуть Рэя, даже если он бесцеремонно задрал бы ей юбку. Но он не делал этого; он касался Мэлани нежно, осторожно, не желая ее пугать. Его рука вкрадчиво скользнула по яркому шелку, вдруг хищно и жадно стиснула грудь Мэлани, смяла, пальцы отыскивали острый сосок под тонкой одеждой. Страсть сладким вином пролилась в губы Мэл с поцелуем, девушка затрепетала, забилась в руках Рэя, пропадая, изнемогая от разбуженного желания. Ее руки незаметно для нее самой обхватили дракона за шею, она крепче прильнула к нему, отвечая на его головокружительный поцелуй, постанывая и сжимая бедра, меж которыми разливалось жаркое томление.

Горячая ладонь Рэя вкрадчиво скользнула под одежду Мэл, под шелковый халат, затем под свободную белую сорочку. Он высвободил из-под одежды и сжал ее грудь, чут-

кими пальцами пощекотал сосок, лаская так умело, что Мэл задрожала, как в лихорадке. Ей казалось, что ласки его прокалывают ее кожу, достигая нервных окончаний, и острое, на грани страдания, наслаждение бьет в мозг ослепительными вспышкам, заставляя ее стонать и умолять взглядом, всем своим извивающимся, дрожащим телом, чтобы Рэй продолжил эту сладкую умелую пытку.

— Вот этого я хочу от тебя, — прошептал Рэй, отрываясь от ее разгоряченных губ. В голосе его слышался смех; он умело разжигал пламя желания и страсти в теле Мэл, и с наслаждением наблюдал за изумлением, которое отражалось в ее глазах. — Не покорности — покорна мне может быть любая женщина и этого, и Верхнего мира. Я хочу жажды.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.